

ОТЗЫВ
официального оппонента
на диссертацию Марии Николаевны Панкратовой
«Онирический мотив: структура и особенности функционирования
(“Огненный Ангел” В.Я.Брюсова)
(М., 2016)
на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.01.08. – Теория литературы. Текстология.

Диссертация Марии Николаевны Панкратовой посвящена рассмотрению онирического мотива в известном романе В.Я.Брюсова – одной из центральных фигур Серебряного века, и шире в – в литературе XX века. Поставленные задачи, сформулированные в начале работы, соискательница решает на широком материале, представляющем различные аспекты названного мотива – содержательные, формально-поэтические, эстетические. Подобный «широкий» взгляд на проблематику избранной темы позволил автору осуществить полноценное филологическое исследование.

Актуальность диссертационного исследования М.Н.Панкратовой обусловлена, в частности, не ослабевающим интересом к Серебряному веку, к его словесному искусству. О культуре той эпохи написано много, однако нет сомнения, что ученые будут обращаться к ней снова и снова.

Диссертант справедливо рассматривает онирический мотив как один из сюжетообразующих в известном романе В.Брюсова, при этом раскрывает его полифункциональность в словесном искусстве вообще. Важно то, что исследовательница ориентируется на комплексный анализ проявления этого понятия в тексте. М.Н.Панкратова рассматривается онирический мотив в трех основных аспектах, сакральном, эстетическом, этическом, в их тесной взаимосвязи между собой. Все это характеризует новизну работы, основанной на различных методах литературоведческого исследования: психоаналитическом, феноменологическом, сравнительно-историческом, историко-типологический в их сочетании и взаимодополнительности.

М.Н.Панкратова уделяет достаточно внимания трудам своих предшественников, в поле ее внимания десятки работ прошлого, начиная с современников автора, и настоящего. И с теоретиками, и с историками литературы соискательница ведет корректный диалог. Своеобразную солидность диссертации придает обращение к публикациям на английском языке. Структура исследования по-своему логична и последовательна. В диссертации традиционные три главы.

Первая глава посвящена авторскому пониманию мотива, диссертантка дает подробное, возможно, излишне подробное, теоретическое осмысление категории. Уважительно отозвавшись о работах А.Веселовского, Б.Томашевского, других ученых, диссертантка признается в полном приятии концепции Алана Дандеса, открывшим в мотиве предикативное начало,

актанты, пространственно-временные признаки. (Стр. 29). Вероятно, выбор авторитета объясняется его строго теоретическим подходом к изучению материала. А.Дандес разложил мотив на такие составляющие, в существовании которых, скажем, Б.Томашевский, может, и не поверил бы...

Органично вписанная в работу вторая глава обладает определенной научной автономностью: это достаточно подробное рассмотрение сферы сновидений в различных культурах – в иудейской, буддийской, античной, христианской и т.д. Соискательница останавливается на известных трактовках сновидений («сон как жизнь», «сон как смерть») и – корректирует другие. Вот один пример. «Если драматургом и режиссером для реального сновидения как бы является сам сновидец, то в литературном тексте – это автор». Эту позицию коллеги-предшественницы М.Н.Панкратова справедливо правит: «В литературном тексте автор – режиссер всего происходящего. Сон же может зависеть от персонажа... В некоторых художественных системах актант «Режиссер» – это мистическая сила». (Стр.42).

Соискательница справедливо говорит о том, что онейросфера – «это не только сон», указывая на целый ряд смежных состояний. Думается, особый интерес в этом ряду представляют ее рассуждения о значении и функции состояния «как бы во сне» (вдохновение, театр, грезы, воспоминание) в художественном творчестве. При этом она, до обращения к сочинению В.Брюсова, к значению воспоминаний в его повествовательной структуре, вполне уместно обращается к опыту большого круга западноевропейских и отечественных литераторов. Да, «воспоминание снопоподобно.., процесс припоминания идет не строго линейно, подчиняясь не логике, а ассоциации. На ассоциациях строится и сновидение». Да, мотив воспоминаний – один из сюжетообразующих в «Огненном Ангеле».

Работа М.Н.Панкратовой носит теоретический характер, поэтому вполне понятны и, вероятно, допустимы ее отклонения в литературно-исторические эпохи, отстоящие от Серебряного века. Законченным очерком, смежно связанным с избранной темой, выглядит во второй главе раздел, в котором рассматривается онейросфера в творчестве постмодернистов (Вен.Ерофеев, Саша Соколов, В.Пелевин и др.). Соискательница увлеченно пишет о «диффузии сна и яви в пределах одного текста», какие художественные задачи таким образом авторы решают.

Вплотную к «Огненному ангелу», к поэтике романа, М.Н.Панкратова подошла в самой новаторской, самой научно весомой третьей главе. Здесь проделана тонкая текстологическая работа (не часто встречающаяся в современных исследованиях такого уровня), диссертантка проникает в творческую лабораторию автора романа, показывает его целенаправленную работу со словом, с оттенками словосочетаний. Неспешно, предложение за предложением анализируется вряд ли не весь брюсовский текст – топос, хронос, движение сюжета, движения в системе характеров, двойничество,

звукопись, цветопись. Особенно изящно выглядит анализ сравнений, их места в построении произведения. Чтение этих страниц не могло не навести на мысль о знаменитых бодлеровских «соответствиях», на которых во многом строится символистский текст. В движении мысли диссертантки положительно выделяется ее обращение к психолингвистике. В автореферате это обращение не отмечено, но оно есть. Попутно отмечу, автореферат, в отличие от диссертации, написан скучновато, думается, в нем не отражено все содержание исследования.

Итак, от размышлений о влиянии онирических мотивов на жанровую природу произведения соискательница переходит к рассмотрению его языковых особенностей, сначала на уровне слова, затем – на уровне словесных конструкций, проясняя механизм формирования и действия (воздействия) изучаемых мотивов. В поле ее внимания разного рода лексические группы, синтаксические конструкции. Иначе говоря, все то, как В.Брюсов создает ситуацию лабиринта, из которой его герои никак не могут найти выход (как создается стилизация – в духе позднего средневековья – Ветхозаветного сюжета). В общем можно согласиться с соискательницей: пространство онейросферы в романе характеризуется «выгороженностью», «бесформенностью», многомерностью, естественно, таинственностью, алогичностью, оно определяет и чувства, и поведение персонажей. Да, этот текст можно назвать и онирическим. С. 110, 120.

Особый интерес вызывает заключительная часть третьего параграфа, в котором описывается структура онирического мотива, художественная стратегия автора, которая во многом основывается на игре сменой онирических топосов, временных промежутков, эмоциональных состояний персонажей и т.д. Не приходится сомневаться в справедливости, может быть, главного вывода диссертантки: «онирический мотив играет конституирующую роль в тексте романа».

Вместе с тем при чтении работы возникают замечания или дискуссионные вопросы.

Думается, вряд ли стоило ввязываться в бесконечный спор о жанровой принадлежности романа «Огненный Ангел». Этот в общем-то схоластический спор был простителен для современников автора – только-только познакомившихся с необычным художественным явлением. Не вчера же стало ясно, В.Брюсов, одержимый наставничеством, стремлением дать образцовую символистскую прозу (как перед этим – поэзию), парафразируя в общем-то банальный любовный треугольник, где сам был одной из сторон, создал роман, соответствующий всем канонам символизма. Казалось, известный исследователь символизма С.Ильев поставил точку, получается, что зря казалось...

При этом В.Брюсов, мастер стилизации, играючи соединил здесь традиции готических, рыцарских, эротических, исторических, авантюристических, сентиментальных, приключенческих, детективных,

смею предположить, и других романов. Впрочем, диапазон трактовки и не бесконечен. Когда-то лично меня удивила трактовка С.Ломтева, нашедшего в «Огненном Ангеле» «романтический» роман, в данной работе удивило мнение В.Малковой – «авантюрно-философский» роман...

Отсюда вопрос: почему лишь «выявление функционирования онирического мотива позволяет уточнить жанровую принадлежность романа, отнести «Огненный Ангел» к символистскому роману»? Первично уже то, что роман написан образностью, требующей, как писал А.Лосев, «развертывания свернутого в ней смыслового содержания», наличие (символистского) двоемирия...

Не очень ясна логика выбора предмета (подробного) рассмотрения – роман В.Брюсова, два произведения Ф.Достоевского, большой ряд произведений постмодернистов. Функционирование онирического мотива во всех трех блоках, как видно из работы, типологически сходится. Так что же, можно говорить об исключительности этих блоков? А как, если взять, например, позднего И.Тургенева (современника Ф.Достоевского) или писателей деревенской прозы (почти современников постмодернистов), у того и у тех весьма «играют» онирические мотивы, так что, это уже другие функции? Можно понять сведение символистов и постмодернистов: первые начинают собственно игровое творчество, вторые уже основываются на игровом творчестве, но тогда при чем тут Ф.Достоевский? «Предикатом онирической мотивемы является посещение иного мира, в качестве которого выступает особый постмодернистский топос – топос словесности» – говорится в диссертации (С. 75). Но вряд ли «близкостак» нельзя сказать и о другой литературе. Попутно хотелось бы отметить, что само описание онейросферы в литературе постмодернизма интересно, углубляет понимание авторских замыслов, их эстетики.

Работа написана хорошим языком, некоторая увлеченность «ониризмом» (даже встречи персонажей «онирические») вполне понятна. При всех возможных критических замечаниях нельзя отрицать тот факт, что в диссертации М.Н.Панкратовой обоснованно затронут значительный круг тем, вопросов, связанных с теорией литературы, с текстологией, с историей словесности. Работа закономерно носит междисциплинарный характер. Диссертация производит положительное впечатление благодаря привлечению большого объема эмпирического материала, проработанности темы, решения актуальной задачи, имеющей существенное значение для литературоведческой науки.

Автореферат, публикации, 4 из которых входят в перечень рецензируемых научных журналов ВАК, адекватно отражают содержание диссертации.

Суммируя вышеизложенное, можно заключить, что, при всех высказанных выше дискуссионных вопросах, диссертационное исследование М.Н.Панкратовой **«Онирический мотив: структура и особенности**

функционирования ("Огненный Ангел" В.Я.Брюсова) в основном соответствует требованиям п. 9, 10 «Положения о порядке присуждения учёных степеней», утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней», предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата наук, а соискатель, **Мария Николаевна Панкратова**, заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.08 «Теория литературы. Текстология».

Доктор филологических наук
(специальность 10.01.01 – русская литература),
профессор,
профессор кафедры русской и
зарубежной литературы
Российского университета
дружбы народов,
117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.,
Тел.: +7(495)7873803.
E-mail: vameskin@yandex.ru
Тел.: +7(903)1060560

Владимир Алексеевич Мескин

3 февраля 2016 года.

Подпись доктора филологических наук, профессора В.А.Мескина заверяю:

секретарь деканата *Василий А.В. Жу*

1. ФИО: Мескин Владимир Алексеевич

2. Ученая степень: доктор филологических наук

3. Ученое звание: профессор

4. Должность: профессор

5. Место работы: ФГБОУ ВПО "Российский университет дружбы народов"

6. Почтовый адрес (домашний или рабочий): 119571

Москва

Академика Анохина д. 11, корп. 1, кв. 4

7. телефон: 89031060560

8. email: vameskin@ya.ru

9. 3 публикации за последнее время:

1) Грани русского символизма: В.Соловьев и Ф.Сологуб. Монография. М., РУДН, 2010.

2) История русской литературы "серебряного века". Учебник для бакалавров. Юрайт. М., 2014.

3) По страницам «Большой книги» – 2014 // Вопросы литературы. 2015. № 2.